

Алексеев Павел Дмитриевич

ВОСПОМИНАНИЯ

ГЛАВА 1.

Гродно.

В этом старинном городе началось моё детство, беззаботное и счастливое. Большая дружная семья и маленькая, без всяких удобств квартира. Отца мы видели мало, приходил с работы усталый и часто с головной болью. Из тумана детской памяти выплывают сказочные картины окружающего, красивая и быстрая река Неман, леса вокруг и мы, ватага ребятишек в лесу собираем чернику и грибы. Город полон чудес и не верится, что он был таким и я жил в нём. Чистая, вымощенная камнем площадь и высокие костёлы. Звенят качающиеся колокола Фарного костёла и святой Бригитты, а мы идём от площади мимо серых стен монастыря Бориса и Глеба потом на Соборную улицу и долго смотрим на синий купол собора, на золотые звёзды на синем поле. Какой огромный этот собор! На улице очень много лавок, в окнах многих выставлены фигуры Девы Марии, они тоже все в синих одеждах и поверх на груди нарисовано пылающее сердце. Там лежат молитвенники и разные чётки, для чего они? Что там написано в молитвенниках? Подолгу рассматриваем распятия на чёрных крестах. Зачем его так мучают? Потом идём домой на подольную улицу, там рыбий базар, земля усыпана чешуёй и такой приятный запах рыбы.

Мы бродим по городу, вот бульвар, его почему-то называют «брехаловкой» к нему примыкает театр «ИЛЛЮЗИОН» и мы, любуясь красивыми каштанами спорим об этом театре строя нелепые догадки. Замковая улица завершается старым замком, в нём много тайн, холодящих кожу. Вечером во дворе всего, как наслушаешься так спать не будешь.

За городом казачья станица и там очень древняя церковь ей около 1000 лет и давно-бы она развалилась, но её окружают стены и опоры не дают разойтись стенам. Она маленькая внутри и в стенах вмазаны кувшины-голосники они отзываются на пение резонируя, издавая звуки.

В самой станице живут чубатые казаки и туда лучше не заходить. Мы иногда видим их на парадах, шагающих в неровных рядах. Они все в синих шароварах с красными лампасами, сверкают казачьи клинки у плеча в такт марша. Иногда они проезжают в конном строю, с винтовками за плечами и длинными пиками, они все усаые и злые. /

Мы ребяташки стояли с отцом на одной из улиц и смотрели большой парад войск. Возле тротуара расположились торговки, они поставили свои корзины с булками и вдруг раздался крик.

Мимо нас проехали шажком, лениво помахивая плётками казаки. Увидев булки, они ловко втыкали свои пики в корзины и как нив чём ни бывало не торопясь проезжали, дальше не обращая никакого внимания на крики торговки, а у каждого на пике желтела булка. Спohватившиеся торговки подхватили свои опустевшие корзины и с руганью отбежали от тротуара к домам под свист и хохот казаков. Заливисто свистел городской и торговки скрылись в воротах дома. А казаки всё ехали, покачиваясь в сёдлах и стоял треск от кованых лошадиных копыт, цокавших по булыжной мостовой.

Помню, как отец водил нас, смотреть «иордань». Великое множество народа стояло на берегах Немана. Стояли в строю солдаты с ружьями и у самой воды пушки. Посреди толпы сияли золотые ризы духовенства, а на середине реки огромная прорубь и высокий ледяной крест. Сверкая трубами военный оркестр играет «Коль славен» и под эти торжественные звуки духовенство во главе крёстного хода с хоругвями идёт к проруби и окунается в воду большой крест. Раздаётся грохот пушечного залпа, и потом все солдаты поднимают свои ружья и, как будто груда камней высыпается на железную крышу, потом ещё и ещё. Городовые выстраивают толпу в длинную очередь, у всех в руках какая-либо посуда и подойдя к проруби каждый черпает из неё воду.

Отец говорит, что, если бы не солдаты толпа вошла бы на лёд и он проломился бы. Он поднимает вверх самого маленького чтобы и ему всё было видно. Потом, дома мы стараемся рассказать о виденном маме, но она нас плохо слушает и торопливо раздевает всех.

Отец учил меня читать, буквы запоминались быстро и скоро я уже читал в газетах и журналах диковинные объявления часто совсем непонятные. / Поблизости не было школ и меня определили в частную школу Пановой. Ходить было далековато, но интересно. По дороге мимо Кино-Кинема где выставлялись замечательные интересные рекламы изображавшие Ната Пинкертон в самых отчаянных положениях. Проходил мой путь и по «Брехаловке» где дорожки были усыпаны крупными каштанами и нужно было набить ими карманы, ибо иначе нечем будет отстреливаться от поджидавших меня мальчишек. Жили мы (в доме Касперовича(?)) на Суворовской улице, её пересекало Грандическое шоссе, по которому мы бегали в лес. Неподалёку от нашего дома были большие казармы, мы, малыши наблюдали солдатскую муштру, видели, как офицер бил солдата по лицу и у солдата упала с головы

фуражка. Иногда солдаты приносили продавать свой солдатский хлеб, и мы упрашивали мать купить буханку. Нам он казался необыкновенно вкусным этот крутой солдатский хлеб. От солдат пахло кожей скрипучих ремней и горелой махоркой.

Однажды солдат потерял затрёпанную книжечку «Похождения Ника Картера». Она была немедленно прочитана и поразила воображение геройством и находчивостью Ника. После этой книжки мы стали искать подобную «литературу» и выпрашивать у матери копейки для покупок вскладчину, за пяточок очередного выпуска. Удивлялись мы и тому, что всегда героя выручал его помощник Боб, ужасный проныра и хитрец.

Город жил беспокойной жизнью, бывали пугающие погромы евреев, иногда кто то стрелял, по улицам разъезжали конные полицейские и жандармы. Обычными были казачьи разъезды на перекрёстках. Гарнизон в городе был большой. Много пехотных частей, артиллерии, сапёров и драгун.

На Софийской улице мальчики показывали пятна копоти на стене дома. Это ночью стрелял разбойник Дебагорий – Мокриевич. Его хотели поймать, а он стрелял и ранил городского и, конечно ушёл.

Отец говорит, что он совсем не разбойник, а революционер. Что это такое мы не знали, а таинственность слова пугала. От взрослых мы слышали слово «маёвка», оно означало, что нужно было куда-то идти, подальше от города. Мы рвали лук на огороде, запасались хлебом, солью и картошкой, шли мы в ближайший лесок и там пели песни, пекли золе картошку и довольно поздно возвращались домой. Ну как было не побывать на солдатском стрельбище и не поискать пуль в песчаных обрывах около которых валялись разбитые, изрешечённые, превращённые в щепки деревянные щиты.

Горланя солдатские песни и воображая бог знает что шли домой.

Однажды наш путь проходил мимо забора, за которым было кладбище. Шли мы тихо, устали изрядно и вдруг.... Над забором тихо поднялся большой деревянный крест. Мы обмерли и в ужасе бросились бежать. Опомнились мы только далеко от кладбища. Потом нам было стыдно своей трусости, просто там воровали новые кресты, чтобы продать их вновь, выдёргивали из могил и уносили в мастерскую, так один крест иногда продавали несколько раз.

На нашей улице городские обходят дома и предупреждают, чтобы у каждого дома были выставлены по десять плоек с салом. Будет полная иллюминация всего города в честь трёхсотлетия царского дома Романовых.

Нам очень хотелось посмотреть всё это, но отец отказался ходить с нами по городу, и мы удовольствовались видом горящих плошек перед домом и разочарованные легли спать. Наша мама была беспощадна и укладывала нас в постель всегда в девять часов. Но об этом празднике со смехом рассказывают друг другу солдаты, а мы, мальчишки, разинув рты слушали, не понимая почему они так хохочут и сами смеялись уловив, что речь идёт о каком-то памятнике, который теперь нужно будет отмывать. Вечером мы спросили у отца какие у нас есть памятники?

Отец насторожился, переглянулся с матерью и помолчав спросил

-Откуда вы знаете про памятник?

-Мы слышали, как солдаты смеялись, они рассказывали

Отец закричал на нас пообещав отодрать если мы кому ни будь проговоримся и строго запретил слушать солдатские разговоры и вообще шататься возле казарм. Но почему же? Тогда мы не могли понять за что рассердился отец и ещё пригрозил нам.

Памятник, о котором идёт речь оказывается был Столыпину.

Перед праздником пасхи родители идут в церковь, далеко в город, в большой собор. Там на разных языках в нескольких притворах читают евангелие густыми голосами, гудящими под сводами собора.

Ничего нельзя понять и мы потихоньку оглядываемся, в руках у меня горящая свеча и воск капает на пол, свечка стала совсем мягкая и брат уже согнул её пополам и зажжёт второй конец. Мне так же хочется согнуть свечку но раздаётся над ухом чьё-то негодующее шипение. Отец поворачивается ко мне и тушит свечи у нас обоих. Теперь стало стоять совсем невыносимо и мы по очереди толкаем мать и спрашиваем одно и тоже скороли мы пойдём домой. Наконец мы идём с горячими свечками домой. То и дело ветер задувает огоньки и мы зажигаем огоньки от огонька отцовской свечи и всё же доносим огоньки до дома. От этого огня зажигается лампада перед иконами и копятся кресты на притолках, чтобы нечистая сила не вошла в дом.

Потом в постели долго смотришь на разнообразные отблески огоньков лампадки на комоде и приходят чудеса. В полумраке, под потолком летает огромный рой каких то существ похожих на пчёл, все они в строгом порядке и то приближаются спускаясь ниже, то удаляются, поднимаясь к потолку. Удивительно, что их видно даже когда закроешь глаза. А если долго смотреть на лампадку, то от неё идут лучи и от них начинают шевелиться предметы,

стоящие на комоде, они плывут и покачиваются на волнах. Тут наступает утро. Новое утро, голос матери, кто-то пришёл к нам. Начинается новый день.

Неподалёку от нашего дома большой овраг-провал, в который сваливают разный мусор. Мы любим разыскивать там разные стёклышки и разводить костры из всякого хлама. Однажды за этим занятием нас застал полицейский и стоя на краю оврага ужасно накричал на нас. Струхнули мы изрядно и ноги сами вынесли нас из оврага. Больше мы там не появлялись. Что там стёклышки и костры! Вот Славка Анисимович нам показывал баночки с водой и от них шли проволоочки к маленькой лампочке, и она послушно загоралась, когда Слава прикладывал к ней провода. Он был человек взрослый заканчивал реальное училище и умел делать все, даже фейерверки и он научил нас как из бертолетовой соли и угля делать шутихи, которые громко хлопали и прыгали по земле. А вот с баночками у нас ничего не вышло и сколько мы ни старались и не наполняли всякой дрянью баночки – лампочка у нас не горела.

Купание в Немане, походы в леса и овраги за окаменелостями всё это кончилось сразу, внезапно и безвозвратно, навсегда.

Было жаркое лето, мы детишки ходили на реку с отцом.

Он нёс на плечах самого маленького. На реке иногда проходили военные пароходики, и матросы в красивых блузах суеились на палубе. От пароходиков шла большая волна и она свалила меня в воду. Потом, дома отец весело рассказывал маме об этом, и она ужасалась. А утром отец пришёл домой взволнованный и страшное слово ВОЙНА объяснило и суматоху в казармах и беготню на улицах, ведь граница была всего в шестидесяти верстах от нас.

Опустели казармы, по Грандичевской улице идут полки пехоты, с походными кухнями, офицеры на конях что-то кричат. Иногда играют полковые оркестры, а большей частью идут под барабанный бой.

Множество народа стоит около домов и у обочин улиц, провожают солдат. Утром второго дня выйдя во двор мы увидели соседей прислушивающихся к далёким раскатам грома, отчётливо слышными в тишине утра.

-Вот уж и канонада слышна. Дожили.

-Что теперь будет? Немцы это ... Это не дай бог. Качая головой говорит старый поляк. Женщины во дворе прислушивались к его словам. А вечером к нам зашёл знакомый офицер живший в нашем дворе и несколько раз повторил –

Уезжайте немедленно, а то будет поздно. Пока ещё можно уезжайте. Значит потом будет хуже?

Отец и мать что-то складывают, связывают, потом отец куда-то уехал на извозчике и к вечеру мы уже на вокзале. Кругом толпы перепуганных людей, узлы, чемоданы и корзины с овощами. Мать не разрешает отходить от неё. Мы видим, что по улицам разъезжают казаки, даже вдоль путей железной дороги, что-то высматривают. Громко, не стесняясь говорят, что немцы будут здесь завтра, что Гродно сильная крепость и будут большие бои ведь все укрепления заполнены солдатами. Другие говорили, что ведь мы мирные люди и нам ничего не сделают. К нам сидящим у вокзального забора подъезжают казаки. Их засыпают вопросами, как и что там делается?

Казаки угрюмы, помахивая нагайкой молодой говорит-

-Если возможно поскорее уезжайте. Там всё горит. Немцы бьют из пушек подряд по всем деревням. Вряд ли кто в живых останется.

Опять звуки музыки. Мимо вокзала с песнями идут солдаты, громыхает по камням артиллерия, лязгая железом щитов, идут с кривыми кинжалами «бебутами» на поясе артиллеристы.

Рядом с матерью сидит на старом чемодане знакомый часовщик-«Э чего там плакать, война была и раньше, ну пройдёт месяц, ну два всё кончится». Как ни мало вероятно, что будет так, но всё же всё-таки это утешение. Наконец к вечеру мы очутились где-то на товарной станции и нас запикивают в товарный, дурно пахнущий вагон. Там оказались и некоторые знакомые нам люди. Они помогают забраться в вагон и дают место. Очень тесно, жарко, но выходить из вагона бояться наш состав с паровозом и может тронуться.

Мы вспоминаем как провожал наш кот, он залез на столб и отчаянно мяукал понимая, что мы его покидаем. Хотя мы и тронулись с места, но двигались очень медленно. Стояли на каждом разъезде пропуская военные эшелоны. В открытых дверях теплушек потные лица солдат. Некоторые вагоны проезжают с песнями. Иногда эшелоны останавливаются, и солдаты бегут с фляжками за водой к паровозному крану. Фляжки из зелёного стекла и у одного солдата она лопается от холодной воды. Как же теперь он бедняга обойдётся без воды? Мимо катят на запад эшелоны с пушками, понтонами, автомобилями и телегами на платформах.

Так мы доехали до маленького городка Суджи, где и остановились. Делать нечего и пришлось мне и брату определиться на учёбу в Реальное училище.

Тишина этого городка, успокаивала, здесь не было ни одного солдата. О войне знали только из газет.

Жили так, что не о чём и вспомнить. Правда бывали драки, игры в бабки, сражения в снежки, а потом пришла весна и нас потянуло домой, в свои края. Да и были хорошие известия о том, что немцев отогнали, и Гродно теперь свободно.

Мы решаемся ехать домой. Опять запахи вагонов, паровозного дыма и ожидания на станциях и тревоги как сесть в поезд и сладкая надежда, что мы будем всё-таки дома. Но нас не пустили дальше города Слонима и мы опять не дома и опять ищем пристанища.

Одна старая полька сдала нам квартиру, и мы очень хорошо устроились. Но наша мама непоседа уже сумела договориться с одной беженкой из Гродно, и они решаются пробраться окружным путём в Гродно. Оставив нас на попечение хозяйки дома и её дочери Зоси, мама уехала.

Какая была радость, когда мама вернулась и привезла нужные нам тёплые вещи и постели. Правда привезла она и тревожные слухи о том, что Брестская крепость будет сдана немцам без боя и что в Гродно опять придут немцы и могут придти и сюда. А что делали мы?

Мы играли в солдат, в войну. Провожали проходящие воинские эшелоны стоя вдоль путей, держа «на караул» палки обозначавшие винтовки. Но и эти забавы были недолгими. Началось отступление русской армии. Немцы применили на фронте газы и в проходивших поездах с красным крестом виднелись зелёные лица неподвижных раненных солдат.

В наскоро оборудованных лазаретах все помещения были заполнены лежащими ранеными и отравленными. Теперь их увозили в тыл и ежедневно на станции их грузили в санитарные поезда. Сёстры в белых косыночках и красным крестом на груди, врачи в окровавленных халатах и множество носилок с ранеными. Таким мне запомнился Слоним.

По вечерам, что-то гудело в небе и прожектора размахивали своими лучами стараясь найти врага, но это им удавалось очень редко. Страх нагоняли рассказы о немецких «Цеппелинах», очень уж много бомб они могли возить и сбросить на нас. Солдаты показывали стрелу, сброшенную с немецкого самолёта. Они как говорили солдаты пробивают человека насквозь от головы до пят.

На улицах стали появляться обозы, тянувшиеся без конца. Эти вереницы военных трескучих повозок иногда обгоняли мчавшиеся с большой скоростью автомобили. Офицеры следили чтобы никто не останавливался и в облаках пыли невозможно было видеть кто же там проезжал. Потом стали показываться солдаты на марше. Они шли, не соблюдая шага и равнения, потные, с потёками грязи на лицах и у всех на фуражках жёлтые очки «от газов». Мама то и дело выносит к шоссе ведро с водой и кружку которые пустеют очень быстро. По её примеру соседи так же стали поить солдат, но можно ли было напоить проходившие полки и эскадроны отступающей армии?

Видно, что дела наши стали плохи.

Но ни один солдат или офицер не говорят этого. Опять слышна канонада. Раскаты орудийной пальбы теперь слышны и днём, и ночью. Значит опять поедem если сумеем на восток. Мама опять связывает узлы. На этот раз ей удалось уговорить одного железнодорожника посадить нас в пустую теплушку на далёких запасных путях. Это было очень далеко от нас и все узлы мы перетаскили в вагон. Прошло немного времени и к нашему вагону тихо подкатил длинный состав и толкнул вагон. Где же наша мама? Она пошла узнавать об отправке и может остаться, а мы уедем.

Брат говорит, что она пошла домой взять посуду. Страх за то, что можем остаться одни не дал сидеть в вагоне, мы, оставив всё бросились вдоль поезда на поиски. А было тогда у матери четверо, мал мала меньше. За год до войны жили мы недалеко от табачной фабрики Шеришевского, в темноватом флигеле поляка Бурды. Там заболели scarlatina и умерли три мои братишки. Осталось четверо, три брата и сестра. Отец на своей службе не мог быть с нами и все тяготы легли на плечи матери.

Теперь, после того как мы все глаза проглядели мама показалась с другой стороны, и мы не сразу обратили внимание, что с ней идёт какая-то незнакомая женщина с большим жестяным бидоном в руке. Да это тётя Аня!

Она бежала из Бреста и ничего не могла захватить с собой кроме этого бидончика с вишнёвым вареньем. Всё пришлось бросить.

Крепость взрывают, чтобы не досталась немцам. Её муж служил в крепостной артиллерии и рассказал ей как взрывают осадные пушки.

В этот вагон погрузились ещё несколько семей и к нам заглянул знакомый кондуктор.

- Не выходите никуда, как только пройдёт воинский эшелон мы тронемся.

Это было правдой и когда мимо прокатили платформы с понтонами, раздался свисток паровоза мы покатали неизвестно куда...

Именно так, покатали неизвестно куда. Поезд часто останавливался. Паровоз покидал нас и из вагонов выходили люди, они искали воду, бродили по полотну дороги и пустыми котелками возвращались к стоящим вагонам. Мимо катили эшелоны солдат, коней и платформ с тюками сена. Почему-то нас провозят мимо больших станций, не дают даже набрать воды. Даже на маленькую станцию не поставили наш поезд, мы стоим далеко в поле. Паровоз нас опять покинул, и беженцы повылезли из вагонов и варят себе пищу на маленьких самодельных кострах. Воду берут из какой-то лужи и кипятят чай. На одной из станций к поезду поднесли булки и хлеб, но воды не было. В некоторых вагонах болеют дети. Их мучает понос, и матери избегались ищут хоть какое-нибудь лекарство.

Стоим несколько дней на одном месте без паровоза. В первом вагоне кто-то умер и его хоронят около путей. Наконец нас поставили почти у самого перрона большой станции. По вагонам ходит врач и полиция. Они ищут больных и снимают с поезда.

Двигаемся мы медленно и больных всё прибавляется, умерли дети. Да и взрослые начали падать. Рвота и понос, судороги и конец. Странно, что так быстро всё протекает. Сегодня заболел, а завтра готов.

Страшное слово ХОЛЕРА пронеслось по эшелону. Говорят, что народ попрятал больных, не показали врачам, а теперь заражён весь эшелон. Нам не сказали что в эшелоне такие заболевания.

Какие глупые головы прятали первых больных.

Теперь говорят, что вся вода отравлена холерой, во всех колодцах.

Несомненно, это дело рук немцев.

Когда наш эшелон подходит к большой станции на перрон выходят полицейские и жандармы. Они никому не дают выходить из вагонов. Мама и тётя совещаются ночью что делать дальше. Тётя предлагает бежать из эшелона. Как только станет поезд в поле, таки все вещи повыбрасывать и самим идти до другой станции.

Но с этим решением уже запоздали и в нашем вагоне есть заболевшие.

Сразу два человека корчатся на нарах. Их пытаются лечить водой, настоящей на деньгах, говорят, что медь и серебро убивает холеру. Поезд тихо движется,

в вагоне стонут. Начал громко плакать Митя. Мама встревожена, качает его на руках утешает, но видимо дело плохо. Митя иногда вскрикивает и хватается руками за мать.

Мы проезжаем стрелки с фонариками, мимо верениц чёрных, мёртвых паровозов и громадных депо. Неожиданно поезд останавливается. Перед вагонами много людей, одни в белых халатах, другие в форменной одежде городских и стражников. Вдали видны огоньки города. Наш проводник стучит в доски вагона своими палочками флажками в чехольчике.

- Не горюйте, тут зараз вам всем будет помощь, все доктора тут.

Так началась эта последняя, страшная ночь в этом эшелоне, полном отчаявшихся несчастных людей.

Вокруг эшелона ходили городовые, гравий скрипел под каблуками их сапог. Слышны свистки и громкие окрики. В вагоне плакали дети и к Митиным стонам присоединился плач Вали – мама живот болит...

С визгом отодвинули нашу дверь. Сколько огоньков вдали! Это Курск

-Есть у вас покойники?

-Вроде нет, а заболевшие есть поскорее окажите помощь.

В вагоне поднялся плач и стоны, а санитары уже вытаскивают двоих с верхних нар.

-А говорите нет ...эх вы ...народ ворчали санитары, вытаскивая длинные тела и укладывая их в подводу.

В вагон вошёл видимо врач, он оглядел всех и видя полузакрытые глаза Мити и Вали, хватающуюся за мать и свой живот указал санитарам и они не смотря на протесты мамы и плач под руки вытащили их из вагона и увезли.

Что же теперь делать? Старший брат Сергей стонет, а тут ещё санитары выгнали всех остальных из вагона и начали выбрасывать все вещи.

Сергея тошнит, я вижу, как он повис на руках у санитаров и его втокнули в карету, где всё было грязно и заблёвано.

Что они делают? Обливают все вещи керосином и поджигают.

Множество таких костров уже пылает около нашего эшелона. Карета отъехала, а я в недоумении смотрел на огонь. Теперь тут не осталось никого и нечего. Согнувшись, нырнул под вагон и пошёл от вагонов в поле. Немножко было

видно, и я попал на тропинку, которая привела меня к маленьким домикам пригорода.

Сколько времени прошло с тех пор, как я покинул эшелон я не знал. Стало светло, но мне не хотелось спать. Я сидел на скамеечке у дома и думал о еде. Хорошо бы кусок хлеба. Ведь почти две недели как мы не могли поесть горячей пищи.

Скрипнула дверь и на пороге стояла девчонка. Трёпанная, заспанная и в руках держала то, что приковало моё внимание кусок хлеба с вареньем. Она отвела свою руку за спину и исподлюбья оглядывала меня.

-Ты, что тут делаешь? Это наша скамейка. Ты, что холерный? Со станции? Пошёл отсюда.

Она закричала:

-Мама иди сюда...

Я поднялся и пошёл к городу, оглянувшись видел, как на крыльцо вышла женщина. Потом меня догнала эта девчонка и сунула в руку кусок хлеба с маслом. Конечно, она убежала ни слова ни говоря, а я ел хлеб и шёл по городу, потом кто-то меня расспрашивал о наших и я, побродив до темна, устав улёгся на скамье в сквере и заснул.

Прогулки мои на этом и закончились не помню кто отправил меня в холерный барак и там я узнал через некоторое время о судьбе своих близких.

Свет не без добрых людей и

Не помню, как я попал в холерный барак, но хорошо помню, что меня осмотрел врач и приказал отвести в другое место, в барак для «подозреваемых». Там кормили людей супом и дали мне в руки ложку и хлеб, мисок не было и пришлось ждать. Тут я почувствовал страшный голод и хлеб поел, не дождавшись супа. В этом бараке был земляной пол, но он был покрыт стругаными досками и на них расположены соломенные матрацы и такие же подушки. Больничная еда показалась райской. А давали супчик из овсянки и чай с хлебом или булкой. Так жить можно. Как там мои братишки, мама и сестрёнка? Сюда иногда забегала медсестра в косынке с красным крестом на груди. Она быстро осматривала нас и заставляла пить лекарство. Она расспрашивала меня о моих родных и обещала всё о них разузнать. Из разговоров взрослых я понял, что мы все можем заболеть и попасть в холерные отделения. Там лежали сотни больных, многие умирали, но больше из тех, кто поздно попал в бараки. Сестра рассказывала нам о лечении болезни и говорила, что, конечно, всех спасти не удастся. Потом она спросила, как зовут мою сестру и покачала головой. Я понял, что она умерла и стал настойчиво

просить её узнать, что с моей мамой. Но узнал только, что её сюда не привозили.

Истёк срок нашего карантина, все оказались здоровыми и ушли домой. Сестра ещё раньше говорила мне, что не следует бояться болезни и теперь я знал, что не заболею, но куда мне деваться?

Сестра меня утешила, жить будешь у меня, а когда найдём твоих родных то найдём и квартиру. У неё маленькая комнатка здесь же при бараках и в ней на полу положен чистый матрац и простыни для меня. Однажды к ней пришла пожилая сестра и они долго расспрашивали меня о родных. Я очень расстроился и заплакал, а они пообещали обязательно разыскать отца и мать. Кто же мог знать, что отец, разыскавший по разным эшелонам в поисках своей семьи так же, заболел холерой и попадёт в эти же холерные бараки!

В один из дней пожилая сестра вошла в комнатку, где я спал и разбудив меня спросила, как меня зовут. Она всплеснула руками и улыбаясь сказала:

-Ну я так и знала. Ведь твой отец здесь и тебя ищет.

Потом она отвела меня к какому-то окну, и я увидел лицо отца. От волнения я никак не мог понять, что отец просил меня купить газету. Потом очень скоро отец, брат и я шагали по Московской улице Курска и потом было всё очень хорошо. Была квартира и постели, была вновь в сборе поредевшая семья. Ходили покупать одежду и обувь, домашнюю утварь и готовились к отъезду из Курска.

Мама не скоро стала совсем здоровой и ей было трудно после больницы делать домашние дела.

В Курске размещались несколько эвакуированных учреждений со своим штатом и семьями и все они, в том числе и мы ждали куда должны нас переадресовать.

Теперь не надо было бояться железной дороги. По этим дорогам ещё ходили пассажирские поезда.

Однако ждать пришлось довольно долго и мы уже стали понемногу привыкать к Курску. Бродили по улицам и бездельничали.

Как всегда, всё случается неожиданно и на этот раз, когда мы ложились в постель не думали, что отец, ещё не вернувшийся с работы, принесёт такие новости.

Отец пришёл поздно, мы уже лежали в постели, но не спали.

-Ну Оля вот мы и дождались, нас всех отправляют в Тамбовскую губернию. Нам назначен город Лебедянь. Что за город не знаем и на карте его не нашли. Завтра и грузимся.

Несмотря на поздний час к нам пришёл папин сослуживец Керманович

-Что это за город Лебедянь? Проше пана. -Он развёл руками.

-Да, наверное, не хуже ваших Пружан -утешил отец.

-Приедем увидим, после всего и любая деревня раем покажется.

Керманович ушёл, а мы и не тревожились особенно и мирно уснули.

Всё, что у нас было и мы сами легко погрузили на извозчика и вошли с этим грузом в наполовину пустой вагон, поезда. Как просторно и хорошо ехать в пассажирском вагоне, это могли оценить только мы. И путь нам не казался долгим, вагоне пили чай, кушали и главное казалось, что теперь всё страшное позади.

В Лебедянь приехали поздно вечером уже темнело и наш поезд поставили на запасной путь. Объявили, что выгрузка будет завтра и что все могут спать в вагонах. Я и брат хотели посмотреть город, но никакого города здесь не было просто за станцией стояли несколько домиков. Потом пришёл отец и рассказал, что до города две версты, здесь пять церквей, мощённые улицы и даже есть гимназия. Но всё это будет завтра, а пока всем спать. Оказывается, что отец даже квартиру нашёл.

Утром мы ожидаем своей очереди ехать на извозчике. Он здесь один и сам установил кого ему везти и кто подождёт. Первого он увёз толстого Кермановича с его оравой из семи детей и каких-то ещё трёх взрослых особ разделив предварительно эту семью на две части.

Наконец и мы поехали

— Вот глядите это Турецкая гора, а влево Тяпкина гора... Сколько мы ни глядели, а видели только одну гору. Потом мост и реку с плотиной.

- А это наш ДОН. Так вот какая она эта Лебедянь!

Теперь наша Лебедянь.